

* * *

Плачет небо, жалея о лете,
О роскошной зелёной траве,
О счастливом июньском рассвете,
Об июльской сквозной синеве.

Плачет небо, зовёт ему вторить
И, взирая на призрачный свет,
Опечалиться будущим горем,
Грезить счастьем, которого нет.

Только я улыбаюсь ненастью,
Понимая седой головой,
Что улыбка равняется счастью
И что я, слава Богу, живой.

И могу любоваться любимой,
Слышать вас, дорогие друзья,
И в судьбе ещё всё поправимо,
Даже то, что поправить нельзя.

МАКАР

С головой как одуванчик
По проходу вдоль купе
Бегают соседский мальчик –
Вертит дырку на пупе.

Слов ещё не зная толком,
Пальцем тыкает в айфон.
Отними попробуй только –
Затрубит, как дикий слон.

Он ножонками топочет,
Тянет к маме руки:

– Дай!

Мама ссориться не хочет,
Возвращает:

– На! Играй...

И горит экран неона –
Лучше б вовсе он погас!
Скачут бесов легионы,
Где Макар телят не пас.

Где взамен Души и Бога –
Тлен, безумная игра...
Мальчик, стой, остынь немного –
На пупе уже дыра!

...Но Макар всю играет –
Жертва Сети мировой.
И в глазах его мерцает
Свет неона неживой...

НА СМЕРТЬ ОДНОКЛАССНИКА

Умер Вова Гладков. Мы с ним рядом за партой
сидели.
Был он скромным и добрым. Точнее сказать
не смогу.
Нам стучали синицы в окно и звенели капли,
А теперь он ушёл в листопад, как уходят
в пургу.

И следа не найдёшь... Но в душе всё мерцает
улыбка,
Озарявшая наши беспечные вроде года...
Был он скромным и добрым. И кажется Божьей
ошибкой,
Что такие уходят навек – раньше срока –
всегда!

Им бы жить и улыбку нести, словно истины
слово,
Что способно бесстрашно осилить любую
вражду...
Умер Вова Гладков. И не будет соседа другого
У меня в нашем классе – за партой в среднем
ряду.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ В ТОБОЛЬСКЕ

Взгляну направо – виден взвоз Никольский,
Пройду немного – вижу взвоз Прямской...
Там, оступившись на ступени скользкой,
Упала мама в год десятый свой...

И заболела, но по воле Бога
Осилила недуг, не умерла...
И, видимо, не зря в Тобольск дорога
Меня в сочельник этот привела.

Собор Успенский. В нём в лихое время
Стояли нары в десять этажей.
Здесь мама горе мыкала со всеми
Средь стонов, плача и кровавых вшей...

Ждала этапа в сторону Увата,
Где в ссылке проведёт семнадцать лет...
Теперь здесь – освещенья киловатты
И тающих свечей отрадный свет,

И древние, и новые иконы...
А я опять о маме помолюсь
И, Вседержителю кладя поклоны,
Ей, мученице милой, поклонюсь.

За то, что есть я, что сегодня в храме
Могу молиться, чая Рождество
И говоря «осанна» Божьей маме
За то, что подарила нам Его,

Могу и о своей подумать тоже
И позднее «спасибо» ей сказать
За причащенье к вечной тайне Божьей,
За счастье верить, помнить и страдать.

НА ЗИМОВЬЕ

День провёл без интернета,
Без назойливых звонков.
Здесь, на краешке планеты,
Вдалеке от городов

Хорошо побыть собою
С тишиной наедине...
Телевиденье родное
Не испортит праздник мне

Громом шоу, шумом споров,
Липкой лентой новостей...
За окошком – лес и горы
Да следы лесных гостей.

С ними легче сговориться,
Коль не лезешь на рожон...
Ведь не зря трещат синицы,
Что остаться здесь – резон.

Печь топить, молиться Богу,
Положившись на Него.
Чтоб меня никто не трогал,
Я не трогал никого...

Но опять ревет машина
И влечёт меня назад
В мир неона и бензина,
Телешоу, магазинов
И всемирной паутины...
И я сам как будто рад

Возвращению в ловушку,
Где сплошной комфорт царит,
А душа, как та избушка,
Средь следов звериных спит...

СКАНДАЛИСТКА

*В голове твоей ящик Пандоры:
Слово скажешь – и вот уже ссора,
А молчишь – значит, копится злость!
Столько ярости скрыто во взоре,
Что под ним полыхнёт даже море,
Он прожжёт и железо насквозь.*

*Быть с такой – непрестанная мука.
Занесла для пощёчины руку,
Чтоб обидчику дать по щекам...
Почему же, красотка такая,
Ты, как дикая кошка степная,
Сердце рвёшь на куски мужикам?*

*Может, дело в отсутствии ласки?
Лишь поглядят – засветятся глазки
И улыбка готова сиять...
Вот такое нехитрое средство,
Чтоб гневливой Пандоры наследство
Только мифом предстало опять.*

*Где же он, тот понятливый, мудрый,
Необидчивый и незанудный,
Да и есть ли на свете такой,
Чтобы, сердцем оттаяв немножко,
Замурлыкала дикая кошка
У него под рукой...*

ВОЗЛЕ КНИЖНОГО ЛОТКА

*Мужик распродаёт библиотеку,
Хоть с виду книгочей и книголюб...
Вот фолиант Бальзака о Гобсеке,
А вот Щедрин, известный правдуроб...*

*Что побудило с книгами расстаться?
И может ли хоть что-то побудить
Того, кто раньше по стране мотался,
Чтоб эти книги редкие купить,*

*Кто загодя сдавал макулатуру,
Простаивал полдня в очередях?..
Теперь распродаёт, смилив натуру,
Взгляд отводя, в котором стыд и страх:
Свой век закончить, словно бомж на свалке,
Без книг оставшись, будто без родни...
И жаль мне мужика, и книги жалко:
Повинны разве в чём-нибудь они?*

МАЙСКИЙ ЭТЮД

*Зацветают яблоньки стремительно –
Веку торопливому подстать.
В самом деле как же утомительно,
Повстречав весну, всё ждать и ждать
Дня, когда появится твой суженый
И гулять до ночи разрешат...
Хлещет дождь. Промок, стоит простуженный –
С выводком невест-нимфеток – сад.*

*Завтра – перемена вида внешнего –
Яблоньки осыплют нежный цвет
И под канонаду грома вешнего
Встретят новый, ветреный рассвет.
Будет вихрь им ветки гнуть, безумствуя,
Обещая поворот в судьбе.
Повзрослеют враз они, предчувствуя
Силу плодородия в себе...*